

Илья Члаки

АКТРИСА

(Монолог)

Театр. Сцена. Поздний вечер.

Выходит уже немолодая женщина со щеткой, ведром. Ставит ведро на пол, начинает подметать сцену. На какой-то момент замирает, смотрит в зрительный зал.

Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие, мои любимые! Если б вы знали, как я по вас соскучилась, если б вы только знали! Как вы без меня поживаете? Я знаю, вам тоже плохо. Если один из влюбленных страдает, мучается и другой. Иначе и быть не может, я в этом уверена. Мы мучаемся, плачем, рвем на себе волосы, поддельно-веселый смех наш вызывает лишь сочувствие окружающих. Где ты, мой славный, мой верный, где ты, мой любимый зритель?! Я не могу ни секунды без тебя, без твоего внимания, твоих ласк! Где ты, куда ты пропал?!

А ты где, наша прима, наша звезда, которая делала с нами, что хотела?!

Я здесь, здесь!

А мы там, там.

И каждому, умеющему видеть, ясно: они друг без друга не в состоянии жить, потому что любовь их так сильна... Любовь их так сильна, любовь их так сильна.

Н-да, разговорилась старуха. Валяй, продолжай трудиться, мети-мети, метелка. От метлы, между прочим, многое зависит. Нет, конечно, умение обращаться с этим замечательным предметом тоже немаловажно и все же сама метла – первое дело. Научить ведь и медведя можно. Правую руку кладешь сюда, левую чуть ниже и спокойными равномерными движениями начинаешь эту, так успокаивающую нервы, работу. Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два. Очень хорошая профессия. Кроме шуток, быть высококлассной подметальщицей тоже нужно суметь. Я могу. А вы? Вот вы, уважаемый, у вас вряд ли получится, я по лицу вижу. Оно у вас слишком интеллектуальное, слишком. А мы люди простые, не гордые. И вы, гражданочка, напрасно улыбаетесь, знаю, что вы думаете. Но одно дело мести дома и совершенно иное – в театре, на сцене.

Что ж мы с вами, действительно, как нелюди, я – на сцене и все болтаю, болтаю... Что мы сюда языком трепать пришли? Неправильно это.

Господа, уважаемые дамы и господа, только два дня, сегодня и завтра, в нашем театре будет выступать звезда всероссийских подмостков с мировой славой Екатерина Левина. В честь приезда знаменитости будет дан салют, все жители города бесплатно получают по бутылке пива с сосиской. Что примолкли? А-а, не ожидали? Знай наших! Встречать высокую гостью будет городской голова с женой, министр внутренних дел и прочие официальные лица. Особое желание изъявили канцлер и президент. Но им было

отказано – не заслужили слуги народа. Екатерина сказала – нет! Не пойдет она на их обед, я вас уверяю. Можно подумать, она голодная. Не за тем мы сюда едем, милые дамы и господа, чтоб жрать у вас до потери сознания, у нас другие задачи. Искусство! Мы вас этим искусством, провались оно трижды пропадом, так отдубасим!.. рыдать будете! умрете со смеху! и научитесь думать, наконец! У вас же в башках ни одной мысли, кроме денег. А душа? На кой черт она, по-вашему? В церковь ходите, а про душу забыли! Кто о ней, такой заброшенной, такой несчастной думать будет?! Я?! Нет, не смогу, чужая душа – дело грязное. Да и времени у меня нет – гастролы все время, разъезды... Раз-два, раз-два, раз-два...

Господь с ней, с душой. О ней, о Боге как-нибудь в другой раз поговорим, когда погода будет похуже, а сегодня, в такой роскошный вечерок мы не станем портить друг другу настроения. Вы, ребятки, развлекаться хотите? Спокойно, без нервов, просто тихонечко отвечаем на вопрос – развлекаться. Это понятное желание. Не волнуйтесь, развлечем.

Начинаем спектакль выдающейся актрисы всех времен и народов!.. Ничего, что я с акцентом? Противно, конечно, но привыкнуть можно. Я буду стараться, чтобы акцент был не таким заметным. А вы, если что не так, кричите, свистите, топчите ногами, бросайте в меня тухлыми яйцами, помидорами. Долой зарвавшуюся, долой бездарность, не умеющую нормально говорить! Если б вы знали, как меня насмешили однажды какие-то западные артисты, пытавшиеся играть на русском языке. Сдуреть! Я думала, с ума сойду от смеха. Зачем выступать на чужом для тебя языке, выступай на родном – переведут, а если не переводят – сиди дома, нечего по заграницам шастать, народ смешить. Смешно ведь, ей-богу, смешно. И вы смейтесь, гогочите, граждане-хорошие, за тем вы сюда и пришли. Веселимся, как можем! Артистка погорелых театров дает бесплатный концерт!

Сейчас спою что-нибудь. Что бы вам такое... Вам хоровое пение подавай или церковное. А то не так? Знаю, что говорю. Любим, когда все хором. Хором проще – никого не видно, не заметно, все стройно, в один шаг – раз-два, раз-два. Никто не имеет права вылезти из этого прекрасного строя – раз-два. Не будет хора, граждане и гражданочки, не будет церковного пения, ничего из того, что вам так любо, не будет. Мы что-нибудь попроще, что-нибудь из русской классики. Что прикажете? Не поняла, что? Я знаю все. Да-да, абсолютно все. Заказывайте, господа! Не сомневайтесь, я сделаю это неплохо. И вашу, и вашу, и вашу... Начинаем.

После короткого распевания, она начинает петь. Звучит романс.

Ну? Как? Не слышу! Ничего не слышу.

Браво, браво, ура, бис, бис!

Нет, не надо, не просите, я два раза одно и то же не исполняю, в моем репертуаре столько всего, что мне на три дня хватит. Это, не считая драматических произведений. Музыка хороша для начала, потом пойдет драма, комедия, трагедия, трагедия, трагедия. Вы меня плохо знаете, милые гости! Я на многое способна, даже сама не знаю, что могу сотворить. И чем дальше, тем хлеще! Талант, чтоб мне пусто было, талант. К слову сказать, там, в славном городе, где прошла вся моя жизнь, там меня знала каждая собака и люди считали за честь быть знакомыми со мной.

Знаменитая Левина! Вон, вон она! Вы видели?! Это Левина! Вы можете достать билет на последний спектакль с Левиной? Искусство Левиной не перестает удивлять, потрясать...

Моя квартира круглый год была завалена цветами. Да что цветы! Толпы влюбленных преследовали меня, будто я рок-певица или голливудская звезда. Слава, слава! Режиссеры считали за честь работать со мной, умоляли меня, один даже стоял передо мной на коленях, от меня зависела его судьба в театре.

"Екатерина Михайловна, умоляю, спасите, не губите! Если вы откажетесь быть героиней в моем спектакле, я погиб! А у меня столько идей, столько интереснейших замыслов! Неужели им так и не будет дано осуществиться?! Ну, посмотрите на меня – я только что закончил институт, я молод!»

Он был таким милым, обаятельно-несчастливым, что сердце мое не выдержало... и я согласилась играть в какой-то чудовищной заказной пьесе. И что вы думаете? Я спасла мальчишке жизнь, благодаря мне, его не выгнали из театра, наоборот, он получил заказ на следующую постановку.

А как я ругалась, если мне что-то не нравилось? О-о, это надо было слышать. "Вы – подлец, Иван Сергеевич, - кричала я на весь театр главному режиссеру, - то, как вы обращаетесь с людьми, не мог бы себе позволить даже окончательный пьяница! Я сама слышала, в каком тоне вы разговаривали с осветителем! Это хамство, полнейшее неуважение к человеку! Вы низкий, ничтожный человек!"

Я заставила извиниться этого негодяя. Он вышел, встал на сцену, как я стою сейчас перед вами, откашлялся и громко так: "Я был не прав". И вся труппа, весь персонал театра закричал: браво, браво!

Терпеть не могу людей, использующих собственное положение для унижения других. Ненавижу таких, которые готовы сожрать безответных, слабых, не умеющих

постоять за себя. Потому что сама когда-то была такой. Да-да, в институте, на первых порах в театре. Я была хорошенькой, лакомым кусочком, что доставляло мне немало хлопот. Чуть из института не вылетела. Завкафедрой актерского мастерства посчитал своим долгом переспать со мной. Лапать стал, под юбку лезть. Я недолго терпела. Схватила его за редиску и так сжала, что он посинел, несчастный, и поднял такой крик, будто я его режу!.. Весь институт сбежался. Что да как? Я молчу, улыбаюсь, пусть, думаю, сам выкручивается. А что ему делать? Нет-нет, говорит, все в порядке, мы репетируем-репетируем! А потом пытался выжить меня из института, потому как неприятно ему было каждый день на меня смотреть. А я подошла к нему и сказала: "Вы, дорогой профессор, напрасно тратите время и силы, не надо со мной связываться, я вам по доброте душевной, честно, как другу говорю. А если вы не понимаете человеческого к себе обращения, то я найду свидетелей, которые скажут, что вы пытались меня изнасиловать. Он так испугался! С тех пор не попадался мне на глаза.

Столько всяких историй было. А первый мой спектакль!.. Совсем молоденькая пришла в театр. Нашлись добрые люди, рассказали, как правильно жить: переспешь с главрежем – получишь роль из трех слов, а не шепот за сценой. Пошла я к нему в кабинет. Захожу без стука. Сидит. Я ближе, хватаю со стола книгу и этой книгой со всей силой – по столу!.. Он на меня смотрит, понять ничего не может, волноваться начал, спрашивать что-то. А у меня дар речи пропал. Ни слова из себя выдавить не могу. И хочется наругать, но молчу как рыба. Говорить не могу, но руками шурую, дай боже! Живого места не оставила. Пьесы, книги, макеты, лампы, красивые вещи – все было разбито, разорвано, искорежено. Он на меня смотрит, я – на него. Ни он, ни я не в состоянии говорить. Рты раскрыты, оба задыхаемся от злобы. Плюнула я и вышла из кабинета, грохнув дверью так, что штукатурка посыпалась. После этого получила роль.

Это вам не в германиях, где все чин-чинарем, все вежливые, аккуратные, учтивые, предупредительные, это в России-матушке, где без мата и дня не прожить, где смотрят не на твой талант, а на силу твоих мускулов, количество клыков в твоём рту. А если ты беззуб – пеняй на себя и на своего зубного врача.

Что-что, а постоять я за себя могла и не только за себя. Если случалась какая-нибудь несправедливость, все бежали ко мне. Да. И до сих пор мне письма пишут, хоть я уж шесть лет как уехала.

А как я уезжала! Это надо было видеть, уважаемые! Они такое творили, такое говорили, что я чуть было не осталась. "Мы теряем истинное искусство, мы лишаем

страну очередного таланта!" "Я взрослый человек, мужчина, ведущий режиссер страны, посмотрите на меня, я плачу, плачу!" "У меня никогда не было и теперь уже наверняка не будет такой напарницы!" "Катя, прости нас! Мы, наше правительство, гори оно синим огнем, виновато перед тобой, перед мировым театром, мы выгоняем тебя и твою семью, сами не понимая, какие последствия повлечет за собой этот ужасный поступок! Прости, Катюша!" "Прости, прости, прости!" – неслось со всех сторон. Что творилось с людьми, с простыми людьми. Слезы, истерики, всеобщие демонстрации протеста. Я думала, случится что-нибудь ужасное, непоправимое и мы не сможем выехать. Если бы вы знали, как я была близка к истине. Потом мне написали, что ровно через две минуты после того, как самолет оторвался от земли, на имя начальника КГБ города поступила телеграмма из Москвы: "Немедленно, любыми способами задержать Левина с супругой". Москва пишет. А мы уже на пути в Вену. Мы уже не боимся Москвы. Вот такая интересная была жизнь с приключениями. Приключения будут меня преследовать вечно.

А у вас здесь скучно, ребятки, живете однообразно, размеренно, не дай Бог, лишний шаг сделать. Точно знаете, когда нужно встать, пообедать, пойти на работу, отдохнуть, умереть. Разве это жизнь?! Деньги, деньги, ничего, кроме этих цветных бумажек, вас не занимает! Что, не так?! Нечего говорить, знаю, что так! Мне, собственно, наплевать, я – актриса, мне ваши материальные блага – тьфу, я занимаюсь другим делом – духовным. Акцент – это дело другое, не слишком приятная вещь, согласна. Да я, если честно, и не хочу вам нравиться, наоборот даже, была бы рада обратному. Вот только не знаю, как этого достичь. Может, вам гимн бывшего Союза исполнить? "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь" ... Приятно? Не задевает. Конечно, это теперь вызывает лишь любопытство и удивление. Ничем вас не достанешь, ребятки, вы пуленепробиваемые. И я такая же. Слоны толстокожие более чувствительны, чем мы с вами. Но мы же не слоны! нет ведь?! не тараканы, не пни, мы – люди, и ничего ты с нами не поделаешь, нас можно лишь пожалеть.

Пожалей нас, эй, слышишь, дяденька, пожалей, что тебе стоит. Ну дядь, ты же Бог, господь наш любимый-красивый-нарядный-хороший, ты ж для того и есть, чтоб жалеть нас, бедных, глупых, слабых, несчастных. Брось все и быстро начинай жалеть грешных деток своих. Поублажай, поласкай нас. Ну, давай, не кочевряжься, мы ж твое основное занятие. Ну, быстро к нам, быстро! А мы тебя за это любить будем. Ты ведь хочешь, чтобы мы тебя любили? А сам? Валяй и сам, старикан.

Эх, петь хочется! Спою вам, дорогие мои иностранцы... Или это я иностранка? Неважно, все мы иностранцы, я – для вас, вы – для меня, одни из нас поют, другие слушают. Если б вы знали, как я устала без вас! Где вы, дорогие мои немцы, дорогие мои слушатели! Я хочу играть для вас, хочу петь вам! Не хочу стоять одна поздним вечером на этой сцене, прекрасной сцене, без которой жизни своей не представляю! Где вы?! Почему в зале ни души?! Почему я каждый день играю ни для кого?! Каждый день спектакль без зрителя! Чехов, Толстой, Островский, Сухово-Кобылин, за этот год я сыграла всю русскую классику. Может быть, не всегда ровно, но я старалась, очень старалась!.. Вот только сегодня что-то не клеится, зато завтра, я обещаю, завтра все будет как всегда, на высоком художественном уровне. Я буду играть что-нибудь западное. Шекспира могу или Мольера, хорошо? А хотите, я вам стихи почитаю. Я очень много знаю, люблю стихи! Хотите, хотите?!

"Чугунная ограда, сосновая кровать..." Это Ахматова. "Как сладко, что не надо мне больше ревновать..." Вам нужен перевод? Не знаю, не могу, это невозможно перевести!

Хоть бы один человек, хоть бы кто-нибудь!.. За что мне это наказание?! Врагу такого не пожелаю! Где вы, где, черт вас побери!.. Я не могу без вас, не могу!..

О'кей, все хорошо, все нормально, никаких волнений, граждане, ничего не случилось. Дело обыкновенное, русская эмигрантка сошла с ума, подумаешь, эка невидаль, проходите, проходите, не надо здесь стоять. Какой вы настырный, мил-человек, прете, будто здесь бесплатно арбузы раздают. Дайте сойти с ума спокойно! Вот если б вы сходили, я бы вам не мешала. Вот и вали отсюда, пошел прочь! А я буду тихо, не спеша...

Ла-ла-ла-ла... Вам повезло, останетесь довольными, обещаю. Ла-ла-ла-ла... "Ах, мой милый Августин, Августин..." Придумала! Вот я вас чем позабавлю. Только тихо, без шума, если кому-нибудь придется не по душе, без лишних слов встаем и выходим из зала. Хотя такая красивая песня не может не понравиться.

Поет грустную песню.

Каково?! Вот так, дамочки, вот так, господа! История первая – основная. Мой муж – еврей. Как, вы не знали?! Самый настоящий еврей со всеми вытекающими отсюда последствиями. А неплохо звучит, а? Мой муж – еврей. Из-за него-то все и произошло. Если б не он, видели бы вы меня, как же! Рассказываю кратко и быстро. Несчастный, всеми гонимый, но не отчаявшийся, он, муженек мой...

Боже, как я влюбилась! Забыв все на свете, кинулась в этот любовный водоворот. А познакомила меня с ним моя сестричка, любимая моя, дорогая сестричка. Они работали вместе в институте. Она у меня математик и он тоже.

"Он гений, гений! – кричала она. То, что он написал – открытие!"

Ничего я не понимаю в их математике. Формулы какие-то, цифры... А вот в людях кое-что смыслю. Через некоторое время сестрица праздновала день рождения. И гений был приглашен тоже. Имела ты, Надюшенька, виды на своего гостя, знаю, что имела, видела, но... Извини, он мне тоже по душе пришелся. И права ты была тысячу раз: умный, начитанный, симпатичный, с юмором, внимательный, ласковый, э-э, да что говорить. Дурачок, пошел меня провожать. Ну и напросился в гости, посидеть, поболтать о театре, о жизни. Было полдесятого вечера, не поздно, и я согласилась. Господи, как давно это было! как я была тогда молода, красива!.. я думала, он приставать начнет, в постель потащит... Не тут-то было. Мы проболтали до пяти утра. Было удивительно здорово, я давно так ни с кем не говорила. А на следующий день я пригласила его в театр. Шла какая-то стандартная советская комедия. Как он ругался, вы себе представить не можете.

"За такой текст нужно немедленно кастрировать, где автор! Я это сделаю своими руками! Автора, автора!" – кричал он на весь зал. Публика очумела, понять ничего не могла. При чем здесь автор? А как же великая, непровзойденная? Он меня не заметил, подлец, он слушал текст. Нормальные люди ходят в театр не для того, чтобы с текстом упражняться, пьеса – дело десятое, главное – артисты, постановка. А он мне еще полночи объяснял, какая сволочь и проститутка продажная этот самый автор. Отдохни ты, ради бога, делом займись! Лежишь в постели с женщиной и говоришь о политике. Кто спорит, советская власть ужасна, порядки чудовищны, никаких норм, никаких прав человека, правительство – дерьмо. Да-да, все так, но я-то здесь при чем? Конечно, ты борец за свободу и независимость, за все известные и неизвестные права, борись – это правильно, но в кровати ты должен бороться иначе, совсем иначе. Ну? Очнись, милый мой Левин, разуй глаза и обрати на меня хоть немного внимания, ты лежишь в постели с женщиной, заметь, не самой страшной, и рот твой не закрывается ни на секунду! Ах, ты философ, мыслитель? Тогда заберись в бочку и вещай оттуда, нечего тебе делать в моей постели!

Короче, от его возвышенной трескотни я уснула. А на утро сестра сообщает мне, что Мишка Левин влюбился без памяти, ходит по институту сам не свой, в голос читает когда-то запрещенные стихи Мандельштама, жутко выкрикивает отдельные

лозунги, славящие партию и правительство. "По всем признакам, - говорит Надюша, - втрескался. Вот только не знаю, в кого". В меня, моя сестреночка, в меня, в кого же еще. Так все закрутилось, завертелось тогда. Боже, как во сне. Я и впрямь не ходила, а летала. Вот было время, ребятки! Даже вспоминаю об этом, и голова кружится.

"Ах, как кружится голова, как голова кружится"... эх, если кто-то из вас ни разу в жизни не испытывал ничего подобного, мне его искренне жаль. Какое это блаженство, если б вы только знали, забыть суету, заботы, проблемы, все забыть, и погрузиться в любовь, в себя, в своего возлюбленного так, чтобы, кроме вас, на свете не было б ни души. Лишь вы и он, вы и он. Только это и можно назвать счастьем, все остальное – работа, успех, деньги, слава – все это чушь собачья. А если вы так не думаете, значит, мои дорогие, не повезло вам в жизни, соболезную, соболезную.

Я тогда пошла к директору и сказала: "Если вы не отпустите меня на пару недель, я возьму больничный, я сделаю все, я уволюсь, в конце концов!" Куда ему было деваться? И Миша, он тоже взял внеочередной двухнедельный отпуск. Мы никуда не уехали, мы просто заперлись в квартире и неделю не выходили. Вторую неделю мы, как оголтелые, с горящими глазами, забыв о приличии, носились по городу, обнимаясь, целуясь на каждом перекрестке, без устали повторяя: я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!

Мишенька, я люблю тебя!

Так влюбиться друг в друга могут лишь юнцы. Мы сошли с ума и стали ими, наивными, глупыми, маленькими. Мы танцевали посреди проезжей части, и никто не злился, ни один человек не обматерил нас, не посмотрел на нас искоса, все улыбались, забыв об ужасе окружающей жизни.

Миша, ты помнишь?! Ты ничего не забыл?! Это должно остаться в наших душах, сердцах, мой дорогой, мой любимый, безумный мой Мишенька!

Это было удивительно, я до сих пор не понимаю... Два человека, таких разных, совсем не похожих друг на друга и вдруг... Ради этого стоило жить! Нет, вы можете представить, чтоб в России, в голодной, злобной стране, множество людей, увидев ярко выраженного вот с таким носом еврея, улыбались? Я не в состоянии. Но это было, было! Мы так увлеклись друг другом, что забыли о времени, о наших планах.

Планы были наполеоновские – мы решили пожениться, и как можно скорее. Нужно было познакомиться с родителями. С моей мамой проблем не было, она живет в сорока километрах от города, в небольшой деревушке. А вот Мишин отец с матерью –

аж в Черновцах. В последний день отпуска мы сели на самолет и – нате вам – ворвались без звонка, эдаким сюрпризом.

"Мама, мама, - кричал Миша от самого аэропорта, - хватит спать! Папа, поднимайся и буди маму! Всем занять привычные позиции у окон! Знакомым и незнакомым! Всем открыть рты, выпучить глаза и смотреть в нашу сторону! Равнение на нас! Ну, где вы все?! Мама, где народ?! Почему никого нет?! Где милиция?! Мама, папа! Исполком!"

Все были в сборе – милиция, народ (любопытнее народа, живущего в Черновцах, в мире нет), кто-то на всякий случай вызвал скорую. Дело бы кончилось плохо, если б не узнали меня по какому-то идиотскому фильму. Скандал замяли.

На крик и шум выползли Мишины родители. Долго ничего не могли понять, получив неудобные места на галерке, наконец, когда основная масса рассеялась, сообразили, что перед ними их родное единоутробное дитяtko. Вот тут-то и началось. Я думала, сдохну от смеха.

"Миша, шо такое, шо случилось?! Сеня, погляди на него, то ж Миша?! А хто с ним?! Шо за девка? Такая красивая, стройная, одетая... судя по ей, так то не Миша. Ой, граждане, нет, он, он! То ж мой сынок-родненький, не признала со слепу, расступитесь, я буду с ним говорить! Девочка, шо ты к нему прилипла, отцепись от него! Миша, пойдём домой! Граждане, дайте дорогу!.. Девочка, уйди, я просила!"

В жизни бы не поверила, что эта женщина родила Мишу. В дом не хотела меня пускать ни за какие коврижки. Но когда Миша сообщил, что завтра я стану его женой, она всплеснула руками и закричала: "Господи, так то ж невеста!" И опять шум, крик, обнимания, целования. Радости ее не было конца.

Глядя на такую реакцию, можно было подумать, что жених порченый. Отец его долго молчал, что-то думал, соображал. Происходило это так долго, что жена не выдержала: "Папа, ни о чем не думай, это вредно для твоего здоровья, иди лучше накрой на стол". Он как будто только этого и ждал. Лицо его просветлело, и он стремительно зашагал на кухню.

Ни поесть, ни поговорить мы толком не смогли, обратный самолет вылетал через четыре часа, надо было спешить. Я получила колоссальное наслаждение от знакомства с родителями Миши. Ничего подобного я в своей жизни не видела. На следующий день мы расписались.

О чем я все время болтаю, сама понять не могу. Чушь, неинтересно это все...

История номер два. Как я оказалась в Германии. Ненавидел мой муж собственную страну, вместе с ее правителями, коммунистами, парткоммами, колхозами, радио и телевидением! И ненависть свою не скрывал, наоборот, чуть ли не на каждом углу кричал о своем чувстве. Так раскричался, что какой-то его начальник попросил на работе политику не обсуждать. Тут началось такое! "Да как вы смеете мне говорить!.. Означают ли ваши слова, что в нашей стране нет свободы слова?! Или они значат, что я плохо работаю?! Нет, вы потрудитесь ответить!" Что он мог на это ответить. "Если б вы плохо работали, я бы с вами вообще разговаривать не стал". "А что бы вы тогда сделали, интересно знать? Побегали в КГБ?!" Начальник развел руками: "Я прошу вас как человека, у меня и так неприятности из-за вас". "У вас неприятности из-за вашего коммунистического прошлого, настоящего и будущего!"

В то время невозможно было даже предположить, что через несколько лет рухнет империя. А через пару дней Мишу вызвали в КГБ и попросили заткнуться навсегда. Это было большой ошибкой с их стороны. Кого угодно можно было об этом просить, только не Мишу. После таких хлопот он стал кричать во все горло о безобразиях в стране, о жуткой машине власти – КГБ. Его забрали в психушку, кололи какими-то страшными препаратами, а он себе в своей камере писал математические статьи, умудрился даже какое-то открытие сделать. А я играла в театре, между репетициями бегала в психушку, после спектакля встречалась с западными корреспондентами, по утрам названивала всякому начальству в надежде на помощь. Но где там. Знакомые, друзья – все отвернулись, что уж говорить о высокосидящих товарищах.

Полгода он отбарабанил в психбольнице. Пришел похудевший, но несломленный. Когда его выпустили, он был таким худым, таким истощенным, что смотреть на него без слез было невозможно. И опять началось – ежедневные походы в КГБ на допросы, называемые переговорами. Вам такая жизнь, милые мои, и не снилась.

И тогда я себе сказала: "Я сделаю все, чтобы мы уехали отсюда. Я лягу костью, но не позволю этим подлецам и негодьям погубить моего мужа!" И я стала каждый день капать ему на мозги. А он твердил свое – я должен жить здесь, это моя Родина, я буду продолжать бороться за права человека. Листовки, публичные выступления, интервью, психушки. С работы его, конечно, попросили. Но не в этом дело, денег нам хватало – я работала, и Миша получал достаточно за всевозможные математические статьи, за политические выступления в западной прессе, на телевидении.

Нам нужно было бежать. Еще немного и, мне кажется, его бы просто убили. Я стала говорить, что ужасно себя чувствую, что врачи подозревают у меня рак, который на этой стадии могут вылечить лишь лучшие западные специалисты. Я готова была на все. Благо, у меня был врач, старый мой приятель, человек верный и порядочный, который согласился петь под мою дудочку. Мы ввали напропалую. Я каждый день жаловалась, говорила, что чувствую себя ужасно. Доктор указывал конкретные клиники, где работали светила. Наконец, я сделала последний отчаянный шаг – уволилась с работы. Если б вы знали, сколько он меня уговаривал поехать полечиться, билеты покупал, но я твердила свое: "Без тебя я никуда не поеду".

Вся эта канитель продолжалась, я думаю, год. За этот год я прожила лет двадцать. Я знала, что делала. Нам разрешили выехать, точнее говоря, нас с огромным удовольствием выперли из страны, чтобы больше никогда туда не впустить. Провожали с почетом, до самого трапа с кагэбэшной охраной. Он плакал, слезы непрерывным потоком бежали из его глаз, он их не вытирал, смотрел на провожавших нас кагэбэшников непонимающими глазами и плакал, плакал, плакал.

Ах, господи, ну, конечно же, он все понимал, не будет ему дороги назад, все мосты сожжены, ничего больше не будет.

Мы прилетели в Германию. Я прекрасно помню те весенние дни, когда мы коснулись немецкой земли. Погода стояла солнечная, удивительно, не по времени года, теплая. Видели бы вы, как нас принимали. Все ваше бесконечное начальство – канцлеры, президенты, бургомистры встречали нас в аэропорту. Такого количества цветов даже я в своей жизни не видела. Люди, простые граждане встречали нас и забрасывали шикарными букетами. Мы поселились в роскошном домике недалеко от города. Первое время Миша хандрил, ругался, а когда узнал о моем обмане, не разговаривал со мной почти целый месяц. Потом тучи рассеялись, надо было устраивать свой быт.

"Ты не будешь работать, - сказал он мне, - хватит, пора и тебе отдохнуть, ты ведь намучилась за все это время". Сам же Миша каждый день выступал на "Радио Свобода", занимался своей любимой математикой.

А я, что делала я? Ничего. Кормила, стирала, убирала, ласкала... А когда Миша уходил в университет, вспоминала старый свой репертуар и играла, играла, играла сама для себя. А еще через годик я поняла, что от такой жизни можно сойти с ума. Скука, жуткая скука! И в тайне от мужа стала искать работу. Я на все была согласна, но больше всего мне, конечно, хотелось работать в театре, все равно кем, но в театре. Это

трудно понять, но вне театра я себя не представляю. Так я и оказалась здесь. Раз-два, раз-два. Вот, такая интересная, слегка банальная история. Все как положено – хэппи энд. Мы до сих пор живем счастливо. Я влюблена в своего мужа по уши...

Тут мы делаем поклончик, реверансик и большой приветик. А вы не стесняйтесь, кричите, кричите! Bravo, bravo, bis! И я буду выходить к вам столько раз, сколько вы захотите меня видеть. Вышла – и поклончик, вышла – и поклончик! Не надо шептать себе под нос, громче, громче! Ни черта не слышу! Что, родные мои? Ах, скучно! Незанимательно! Да ведь и жизнь не слишком весела. Или вам весело? Хочется все время петь и смеяться, да? А почему бы и нет? Неплохое занятие, сейчас займемся этим делом вместе. Развеселю вас, и посмеемся, да?

Отлично, отлично! Сейчас я вам что-нибудь... для поднятия духа и мы закончим наше затянувшееся представление... Что бы нам такое?.. Хочется русское, но чтоб вы тоже знали... А, что вы можете знать... Нет-нет, знаете, это все знают. Вдохнули... у кого есть желание, могут подпевать.

"Спать положите вы меня... Калинка-малинка, малинка моя!.."

Поет полный куплет и припев. За тем устало садится на сцену.

Как настроение? Вот и замечательно. Теперь, братцы и сестрицы, расскажу вам последнюю совсем короткую историю.

Жила в небольшом провинциальном городке России маленькая девочка, которая мечтала стать актрисой. И, несмотря на бесконечное количество трудностей, препятствий, гадостей, которые были связаны с этой мечтой, она все же выучилась на артистку. Ох, стоило это ей!.. Вернулась она в свой городок и стала играть маленькие, крошечные рольки, да и те с большими усилиями, потому как чего-чего, а таланта у девушки не было. Вышла замуж за такого же бездарного артиста, как сама. Развелась. Через пару лет вышла второй раз замуж за инженера театра. Совсем не знала его, не понимала, не уважала, ни капли не любила. Вышла лишь с одной целью – уехать, сбежать за границу. Вынудила, заставила его, немца по национальности, уехать. Бежала от вечного своего невезения, от себя, от несостоятельности своей. Здесь, в Германии, конечно же, развелась. С большим трудом устроилась на работу уборщицей, метет полы и радуется жизни, радуется, радуется... *(плачет)*.

Я – никто, пустое место, ни на что не способная, прозябающая, неизвестно для чего живущая женщина! Ни жена, ни мать, ни любовница, никто, никто!.. Повторяю четко и внятно, По-возможности без акцента – никто! Понятно вам, уважаемые?! Эх, господь с вами, дорогие мои зрители! Забудьте, ничего не было, никто ничего не

говорил, вы никуда не ходили, никаких проблем знать не знаете, не было такой бездарной артистки Левиной, не было! Есть русская уборщица, живущая, нет, проживающая, доживающая в Германии. Раз-два, раз- два... Прощайте, дорогие мои, прощайте...

Она закончила уборку и удалилась со сцены.

Конец.

© Илья Члаки

Любое использование текста пьесы без разрешения автора или его представителя категорически запрещено.

Все права защищены.